

Татьяна Пашкова

Бытовая дисциплина в петербургских гимназических пансионах первой половины XIX в.¹

В статье рассматривается дисциплинарная регламентация повседневной бытовой жизни воспитанников петербургских гимназических пансионов. Основными инструментами дисциплинирования являлись помещение пансиона (его зонирование), личное пространство пансионеров, четкий распорядок дня, требования к внешнему виду и гигиене, речевой и застольный этикет и т.д. В результате проведенного исследования становится очевидным, что в публичных пансионах бытовое дисциплинирование гимназистов охватывало практически все аспекты их повседневной жизни. Жесткая регламентация любых действий, тотальный контроль над перемещениями в пространстве, строгий распорядок дня, обезличивание, отсутствие возможности уединиться или проявить индивидуальные склонности, коллективный характер телесных практик — все это имело целью стандартизировать бытовые привычки и поведение, создать человека «внешнего», «общественного». Однако в совокупности разные способы дисциплинирования имели и более глубокую подоплеку: формирование с младых лет «кинстинкта» законопослушания.

Ключевые слова: дисциплина, пансион, гимназия, бытовое поведение.

Душа моя Павел,
Держись моих правил:
Люби то-то, то-то,
Не делай того-то.
Кажись, это ясно.
Прощай, мой прекрасный.

А.С. Пушкин

Дисциплинарный режим всегда являлся важнейшей составляющей школьной жизни. Но было бы неверно сводить его только к учебной дисциплине или системе наказаний за те или иные проступки. Дисциплинирование юношества осуществлялось разными способами и выходило далеко за пределы учебных классов. В данной статье предполагается рассмотреть, с какой целью и каким образом осуществлялась дисциплинарная регламентация повседневной бытовой жизни воспитанников петербургских гимназических пансионов. В историко-антропологической и историко-педагогической литературе обозначенные проблемы не подвергались специальному изучению. Отдельные замечания, относящиеся к теме, имеются только в исследованиях И.П. Кулаковой, Ю.А. Диссон и в популярной работе О.С. Муравьевой [Муравьева 2000; Кулакова 2006; Диссон 2008].

Татьяна Ильинична Пашкова

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург
pashkovat@rambler.ru

¹ Исследование выполнено при поддержке РФНФ, проект № 15-06-10078 «Дисциплинарный опыт российской дореволюционной школы: теория и практика».

В начале XIX в. правительство поставило цель путем открытия казенных гимназических пансионов создать альтернативу домашнему воспитанию дворянских детей и одновременно обеспечить конкуренцию многочисленным частным учебным заведениям, которые содержали, как правило, иностранцы. О недостатках иностранного, в том числе домашнего, воспитания рассуждали как министерские чиновники, так и педагоги, писатели, журналисты, публицисты и многие другие. Еще в 1808 г. М.М. Сперанский в записке «Об усовершенствовании общего народного воспитания» сетовал на то, что «учение домашнее» для государства неудобно потому, что нет достаточно-го количества хороших учителей и, кроме того, оно «не оставляет правительству средств наблюдать за духом воспитания и приводить юношество к некоторому единообразию общественных правил» [Материалы для истории учебных реформ 1910: 375]. Идея тотального контроля над воспитанием дворянства со стороны властей, воспитания его в «русском духе» оставалась актуальной и в дальнейшем. Министр народного просвещения А.С. Шишков в 1826 г. писал: «Частное или домашнее воспитание <...> должно быть терпимо, ибо несправедливо было бы лишать родителей права избирать полезнейшее по их заключению образование детям своим; но одно только народное, общественное воспитание заслуживает одобрения правительства. <...> [П]ольза государства требует, чтобы по всему пространству его было одно воспитание, чтобы оно имело повсюду одну цель и чтобы везде сопровождалось теми же следствиями» [Начальное и среднее образование в Санкт-Петербурге 2000: 77, № 30]. Аналогичных взглядов придерживался и С.С. Уваров: «Воспитание общественное, в заведениях правительством открываемых и под его постоянным надзором и руководством находящихся, составляет <...> главное орудие просвещения и нравственной жизни народа» [Уваров 1844: 14–15].

В первой половине XIX в. в столице Российской империи появилось пять казенных гимназий для мальчиков; из них четыре имели свои пансионы. Первым в 1806 г. возник пансион при Санкт-Петербургской губернской гимназии (будущая Вторая гимназия), в 1817 г. открылся Благородный пансион при Главном педагогическом институте (в 1830 г. преобразован в Первую гимназию), далее в 1823 г. появился пансион при Санкт-Петербургской гимназии (будущая Третья гимназия), наконец в 1835 г. — пансион при Четвертой (Ларинской) гимназии. Цель этих заведений заключалась в том, чтобы «вперить в них [пансионеров] почтение к общественным и домашним обязанностям», доставить дворянам и чиновникам «средства прилично воспитывать детей своих, без значительных на то издержек» [Правила для публичного пансиона 1806: 1–3; Сборник постановлений

по Министерству народного просвещения 1875, 2: № 84, стб. 242, § 239]. Педагоги того времени видели смысл государственного воспитания в том, чтобы выработать в дворянских детях «дух общежития», «дружества», образовать человека «общественного, внешнего», в котором свобода, полученная в лоне семьи, ограничена «сферой долга и необходимости». Польза такого воспитания должна была заключаться в том числе в «приведении к единству разного образа мыслей, характеров, обычаев, привычек, предрассудков из семей приносимых» [Шевырев 1842: 3, 10, 11; 1848: 24–26]. Первоначально гимназические пансионы были предназначены исключительно для дворян, но с конца 1830-х гг. в них стали появляться «демократические» элементы: в это время здесь уже могли учиться дети священнослужителей, почетных граждан, купцов 1-й и 2-й гильдии.

Общие правила поведения (понятийный аппарат)

Прежде всего выясним, каковы были основные формулировки нормативных документов, регулировавшие повседневную жизнь этих пансионеров. Надо отдавать себе отчет в том, что процитированные ниже тексты в значительной степени отражали не реальную ситуацию, а распространенные в педагогической среде того времени представления об идеальном школьном устройстве. В соответствии с ними учителя должны были «утверждать <...> правила доброго поведения», поощрять «отличившихся благонравием и прилежанием», «вкоренять в сердца <...> уважение к правилам нравственности», «удалять все предосудительное для <...> благонравия», наказывать за «дурное поведение», за нарушение молчания или порядка, не позволять ничего «неприличного благородным и благовоспитанным юношам». Ученики, в свою очередь, были обязаны передвигаться по пансиону «без всякого шума и беспорядка», совершать любые действия, «наблюдая молчание» и сохраняя «порядок движения», заниматься «полезными занятиями»: приготовлением к классам, повторением уроков, чтением, соблюдая при этом «благопристойную свободу», и т.д. [Правила для публичного пансиона 1806: 10, § 8; 12, § 18; 13, § 22; 14, § 27, 29; 16, § 40; Положение для Благородного пансиона 1817: 11–12, § 33; 13–14, § 42; Правила, определяющие порядок движений 1823: 6, 14–18, 22, 24, 31–32; Сборник постановлений по Министерству народного просвещения 1875, 2: стб. 248–249, § 272–273; стб. 246, § 259].

Как видим, названные документы оперировали лишь самыми общими понятиями, почти никогда не разъясняя их содержания: доброе — дурное поведение; порядок — беспорядок; тишина (молчание) — шум; благопристойность; благонравие; бла-

говоспитанность; прилежание; нравственность. Характерно при этом, что ни в одном из нормативных текстов не конкретизировался позитивный образ идеального воспитанника пансиона. Его довольно расплывчатые контуры таковы: это юноша благородного происхождения, соблюдающий установленный правилами порядок и тишину, в свободное время не предающийся праздности, а занимающийся полезными и приятными упражнениями и не позволяющий себе ничего неприличного (в частности, чтения не одобренных инспектором книг). Вероятно, отсутствие такой конкретизации подразумевало опору на сложившиеся в дворянской среде систему ценностей и традиции воспитания. Устав, Правила и Положения были адресованы в первую очередь не самим пансионерам, а взрослым участникам воспитательного процесса: педагогическому персоналу учебных заведений и родителям (опекунам). Это можно объяснить тем, что на данном этапе учащиеся воспринимались преимущественно как пассивный «объект» воспитания, который педагогам необходимо было «подогнать» под общепринятые нормы. Практика еженедельного коллективного прочтения Правил учениками под руководством преподавателей появится в гимназических пансионах гораздо позже, в конце 1840-х — начале 1850-х гг.

Другие документы (отчеты и частные распоряжения гимназического начальства, переписка с учебным округом и министерством, разного рода торжественные речи и наставления) добавляют к уже отмеченному нами понятийному аппарату «утверждение <...> добродетелей, украшающих истинного христианина и верного государю подданного»; воспитание «доброй нравственности, благонравия и почтительности к старшим»; охранение от «дурных привычек и наклонностей»; внушение «любви к наукам и строгим правилам веры», необходимости соблюдения «обязанностей к отечеству и ближнему»; соблюдение «опрятности, порядка, приличия»; укоренение в сердцах «благочестия и добрых нравов»; соблюдение «правил благонравия» [Описание торжественного открытия 1817: 8; ЦГИА СПб. Ф. 139. Д. 3762. Л. 31, 33, 34 и др.; Историческая записка 1894: 123, 131–132, 135].

Если суммировать все вышесказанное, то под «дурными привычками» понималось прежде всего нарушение любых установленных правилами запретов и праздность, а положительными качествами молодого человека считались дисциплинированность, религиозность, любовь к наукам, опрятность и уважение к старшим. В целом можно согласиться с О.С. Муравьевой в том, что воспитание носило «нормативный» характер, т.е. речь шла не о развитии индивидуальных способностей, а о шлифовке в соответствии с неким (иногда умозрительным) идеалом [Муравьева 2000: 6–7]. Этот идеал нашел отражение

в трудах педагогов-практиков и теоретиков воспитания первой половины XIX в. В основе воспитания должно было лежать беспрекословное подчинение педагогам, формирование привычки к повиновению и покорности. Откровеннее всех эту патерналистскую модель сформулировал, пожалуй, В.А. Жуковский: «Привыкнув чувствовать зависимость, ребенок научается покорности, которая есть не иное что, как произвольное признание необходимости высшей, хранительной власти. Сперва ребенок по привычке узнает непоколебимость силы, им управляющей, которой он принужден покориться; эта привычка обрабатывается потом в ясное понятие о мудрой власти, которой он покориться должен» [Жуковский 1987: 127, 129] (на эту тему см. также: [Кошелева 2011: 181]).

Теперь на основе имеющихся источников попробуем реконструировать основные инструменты бытового дисциплинирования обитателей гимназических пансионеров.

Пространство

Помещение пансиона

В Правилах пансиона при Санкт-Петербургской губернской гимназии 1806 г. большинство помещений (за исключением столовой и учебного зала, предназначенного для отдыха и «благопристойных увеселений» [Правила для публичного пансиона 1806: 13, § 22; 14, § 27]) еще не воспринимались как дисциплинарное пространство. Пансион был разделен на два отделения: одно было рассчитано на 46 воспитанников, другое — на 74 [Правила для публичного пансиона 1806: 19–20, § 53, 55; Сборник постановлений по Министерству народного просвещения 1875, 1: стб. 412–414, № 85; Историческая записка 1880: 29–30]. В первом обучались в основном своекоштные, во втором — ученики, содержавшиеся за счет разных ведомств и благотворителей. В феврале 1812 г. Александр I, отметив «неудобство в разделении пансионеров на два различные отделения», распорядился изменить устройство заведения. Министр народного просвещения велел попечителю округа С.С. Уварову «начертать и представить» новое положение для пансиона [ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 761. Л. 1], однако следов созданного документа обнаружить не удалось. Из воспоминаний А.Ф. Поздеева, относящихся к 1817–1824 гг., следует, что по-прежнему существовало определенное зонирование пансиона в зависимости от типа финансового обеспечения воспитанников: «[П]ансионеры разделялись на своекоштных и казенных. Те и другие жили совершенно отдельно, на разных половинах, встречались только в классах и во время стола» [Историческая записка 1894: 7–8].

В Положении, утвержденном при открытии Благородного пансиона Главного педагогического института, бытовое зонирование помещений осуществлялось уже иным образом и более последовательно. Пансионеры размещались в спальнях по возрастам, при этом прямо говорилось, что «кроме часов для сна назначенных в спальнях быть не дозволяется», общий зал был предназначен для утренней / вечерней молитвы и завтрака [Положение для Благородного пансиона 1817: 10–12, § 29, 32, 34].

Наиболее явно порядок пребывания в различных помещениях пансиона увязывался с формированием определенных бытовых поведенческих навыков в Правилах Санкт-Петербургской гимназии 1823 г. Любые действия пансионеры должны были совершать по звуковому сигналу (звону колокольчика). Здесь также были своекоштные и казенные воспитанники, но они получали равное содержание [Аничков 1873: 22]. Спальни предназначались исключительно для ночного сна, надевания / снятия чулок, сапог и халатов (шлафроков), утреннего и вечернего «благодарения Господу» [Правила, определяющие порядок движений 1823: 14, 17]. Позднее спальни стали запираются сразу после ухода воспитанников на занятия [За сто лет 1923: 29–30]. После подъема дежурные комнатные надзиратели осматривали кровати, при выходе воспитанников спальни прибирали служители. Надевать и снимать халаты нужно было сидя на постелях, одежду складывать исключительно на «передке» кровати [Правила, определяющие порядок движений 1823: 7–8]. В одеальной комнате по команде следовало мыться и надевать форменное платье. Снятые халаты относили в спальню служители пансиона. Сборная комната служила местом утренней молитвы и чтений из Нового Завета, завтрака и вечерней молитвы. Из нее воспитанники утром шли в классы, вечером — в спальни. Днем и перед сном в отхожие места можно было отправляться только по 12 человек под надзором служителя, который должен был смотреть, чтобы мальчики долго там не задерживались и между собой не разговаривали, чтобы никто из воспитанников никуда не отлучался. Ночью справлять нужду опять же под контролем служителя приходилось, видимо, в специальной комнате для ночных горшков, поскольку двери спальни закрывали и ключ отдавали дежурному надзирателю. В столовой до и после трапезы читалась молитва, а во время еды — «исторические книги или путешествия», по пятницам происходили чтения «духовного содержания» [Там же: 8–9, 13, 18–24, 27, 32]. Таким образом, каждое помещение пансиона предназначалось только для определенных действий воспитанников, совершавшихся в соответствии с распорядком дня. Свободное перемещение по пансиону ученикам было строжайше запрещено.

К 1830—1840-м гг. была осознана необходимость не только разделения спален и помещений для занятий («камер») по возрастам, но и тотального территориального разобщения старших и младших воспитанников. По-видимому, это было связано с многочисленными проявлениями в закрытых мужских учебных заведениях практик, известных нам сегодня под названием «дедовщины» [Аничков 1873: 172—173; Пашкова 2007]. За перемещениями пансионеров по зданию уже не было такого жесткого контроля, как раньше, но все важнейшие действия в распорядке дня (ужин, молитва и т.д.) по-прежнему совершались по звонку [За сто лет 1923: 29—31, 34]. Аналогичные меры по разобщению учеников разных возрастов в 1830-х гг. были приняты во Второй гимназии [Историческая записка 1894: 130]. Первая гимназия унаследовала разделение на отделения по возрастам от Благородного пансиона. В соответствии с правилами 1840 г. передвижения пансионеров по зданию были спланированы таким образом, чтобы старшие и младшие не пересекались друг с другом нигде, кроме столовой и двора. Контакты между ними были возможны только по уважительной причине и только с особого дозволения дежурного комнатного надзирателя. По звонку (группами не более восьми человек) предписывалось ходить в умывальные комнаты и даже в ватерклозет. Собираться или прогуливаться в коридорах, на парадной лестнице и в приемной комнате воспитанникам запрещалось [Соловьев 1880: 215, 217—218]. Любые преобразования внутреннего пространства позиционировались начальством гимназии как средство усиления контроля над нравственностью и занятиями воспитанников. Весьма характерно, что подобные перемены (например, появление репетиционных залов для старших и младших классов) автоматически влекли за собой выработку новых правил передвижений по пансиону. Эти инструкции были призваны водворить «единство и большую определительность в действиях гувернеров» [ЦГИА СПб. Ф. 114. Оп. 1. Д. 723. Л. 17—17об].

Что касается столовой как особого дисциплинарного пространства, то именно здесь в первую очередь воспитывались приличные манеры. У каждого ученика было свое место, за столом подобало сидеть смирно и говорить между собой тихо и скромно, чтобы «разговор не превращался в нестройный шум и крик», запрещалось ссужать друг друга приборами, тарелками, хлебом, требовать чего-либо от служителей, прятать в карманы со стола хлеб, «картофели», пироги, пирожные или что-либо другое; класть локти на стол, есть с ножа и т.д. [Правила для публичного пансиона 1806: 13, § 22; Правила, определяющие порядок движений 1823: 31; Соловьев 1880: 218, 222; Можайский 1889: 577; Одинцов 1900: 482; ЦГИА СПб. Ф. 174. Оп. 1. Д. 968. Л. 14; Д. 66. Л. 11об].

Личное пространство

И.П. Кулакова в исследовании, посвященном Московскому университету, замечает, что в Благородном пансионе при университете у каждого ученика было свое место для подготовки уроков, что свидетельствовало о стремлении «индивидуализировать пространство занятий» [Кулакова 2006: 150]. Автор полагает, что университет сохранял черты патриархального, «семейного» сообщества и в нем постепенно складывался новый тип поведения с установкой на свободное уединение, самоуглубление и т.д. [Кулакова 2008: 48]. Однако в пансионах петербургских гимназий первой половины XIX в. наблюдалась совсем другая картина. В инструкциях и правилах личное пространство пансионеров никак не регламентировалось. По-видимому, оно было сведено к минимуму. В Благородном пансионе при Главном педагогическом институте каждому воспитаннику полагался шкаф для классных вещей и книг с нижними ящиками для белья и платья [Положение для Благородного пансиона 1817: 14, § 44]. По Правилам 1823 г., за учеником закреплялся определенный номер, которым маркировались его кровать, место в одеальной комнате, классе и столовой [Правила, определяющие порядок движений 1823: 18, 20, 25, 30]. Эта практика сохранялась в Третьей гимназии вплоть до середины XIX в. [За сто лет 1923: 30]. Во Второй гимназии у каждого воспитанника также был свой шкаф, в котором помещались книги, вещи и съестные припасы, но в то же время собственного «полотенца нельзя было иметь, оттого что его в тот же день украли бы» [Историческая записка 1894: 7; Фишер 2008: 19]. В 1850-х гг. в камерах были поставлены громадные шкафы с отделениями, куда каждый пансионер помещал свою шкатулку, запиравшуюся на замок, и где хранил свои пожитки, включая книги [Иностранцев 1998: 36].

Таким образом, индивидуальное пространство, которое предоставляло заведение, сводилось, по существу, к пронумерованному месту в шкафу, где можно было хранить строго регламентированный набор личных вещей. Символично, что эти места не обозначались именами и фамилиями воспитанников. С точки зрения финансовых затрат пансиона это было очень экономно: не нужно было менять таблички в случае исключения гимназиста или окончания им курса обучения. Разумеется, это личное пространство не являлось неприкосновенным для гимназического начальства. Гувернеры периодически устраивали «неожиданные» осмотры ученических ящиков, отбирали все недозволенное и сообщали о находках в рапортах директору или инспектору [ЦГИА СПб. Ф. 174. Оп. 1. Д. 444. Л. 7об].

Все, что находилось за пределами пресловутого места в шкафу, было казенным, общим, лишенным каких бы то ни было инди-

видуальных черт. Устройство пансиона не предполагало пространств для уединения и рефлексии; не предусматривал такой «роскоши» и жесткий распорядок дня, а также принцип тотального контроля над воспитанниками. Письма учеников распечатывали, разговоры подслушивали гувернеры [Пятидесятилетие 2-ой Санкт-Петербургской гимназии 1881: 13]. Справлять нужду первоначально приходилось коллективно, впоследствии фиксировалось время, в течение которого ученик находился в ватерклозете, и за его превышение могло последовать наказание [ЦГИА СПб. Ф. 174. Оп. 1. Д. 968. Л. 24]. Личные вещи, не входившие в разрешенный перечень, немилосердно отбирались: книги — как не одобренные начальством, шелковые платки — для искоренения франтовства, перочинные ножи — чтобы ученик не наделал беды [Авсеенко 1881: 708; За сто лет 1923: 17]. Деньги и драгоценности иметь запрещалось [Сведения, необходимые для желающих 1848: 21]. Повидимому, запрещалось и приносить из дома какие бы то ни было игрушки. Во всяком случае, никто из бывших учеников не упоминает об этих вполне естественных спутниках детского возраста. Только один автор написал, что казенные пансионеры изготавливали немудреные игрушки из подручных материалов: «[И]зрезывали свои сапоги на мячики, которые мастеровски шили сами, набивая их волосом, который вытаскивали из своих же тюфяков» [Историческая записка 1894: 7].

Время (распорядок дня)

На протяжении нескольких десятилетий распорядок дня пансионеров оставался практически неизменным (см.: [Правила для публичного пансиона 1806; Правила, определяющие порядок движений 1823; Постельс 1839; Устав гимназий 1864]). Ранний подъем считался полезным, поскольку «утренний прохладный воздух гораздо здоровее нежели вечерний» [Ободовский 1835: 29]. В общей сложности при 15-часовом бодрствовании на отдых и развлечения (не считая приема пищи) воспитанникам отводилось два с половиной, максимум три часа в день. Все остальное время было так или иначе посвящено учебе. В праздничные, воскресные и вакационные дни оставшиеся в пансионе также соблюдали строго определенный распорядок; несколько часов утром и после обеда обязательно было занято чтением и повторением уроков [Правила для публичного пансиона 1806: 16–17, § 40–41; Историческая записка 1894: 174–175]. В целом жизнь пансионеров выстраивалась так, что воспитанники постоянно находились под присмотром служителей, гувернеров или учителей, а свободное время должны были проводить в «полезных и приятных упражнениях»,

т.е. не пребывать в праздности [Правила для публичного пансиона 1806: 9–10, § 8]. По мнению педагогов того времени, именно от бездействия и скуки происходят «бесчисленные дурные свойства, потом мало по малу превращающиеся в нравственное зло» [Ободовский 1835: 102]. Целью и идеалом считалось такое устройство надзора, «чтобы дети никогда не оставались без свидетеля их действий и поступков, чтобы днем и ночью бдительное око на них обращено было для соблюдения нравов их и от самой даже тени порока» [Начертание 1987: 153].

Внешний вид, гигиена

В первом Уставе средних учебных заведений Российской империи 1804 г. [Устав учебных заведений 1864] внешний вид учащихся еще не регламентировался. В источниках сохранилось мало сведений о том, как выглядели первые петербургские гимназисты; неизвестно, существовала ли у них единая форма одежды. Судя по воспоминаниям сенатора К.И. Фишера, учившегося в губернской гимназии в 1816–1821 гг., приходящие ученики одевались кто во что горазд [Историческая записка 1880: 78]. Очевидно, что внешний вид воспринимался как отражение определенного социального статуса. Пансионерам — детям дворян и чиновников — надлежало выглядеть «прилично». Однако и здесь существовала иерархия. По Правилам 1806 г., при вступлении в заведение своекоштные пансионеры должны были обеспечиваться «нужным» платьем и бельем за счет родителей; казенным воспитанникам все это предоставлялось пансионом [Правила для публичного пансиона 1806: 20, § 55]. В результате, по утверждению А.Ф. Поздеева, «[к]азенные пансионеры резко отличались от своекоштных <...> в одежде — их одевали хуже» [Историческая записка 1894: 7]. У обитателей пансиона, в отличие от приходящих учеников, форма, по-видимому, появилась достаточно рано. Во всяком случае, из дел за 1813–1817 гг. видно, что для 2-го отделения шилась одежда из моченого сукна, включавшая в себя полуфрак, панталоны и жилет темно-серого цвета [ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 1046. Л. 1–1об; Д. 1379. Л. 1–3; Д. 1796. Л. 1–2].

Особое внимание внешнему виду учащихся гимназий стали уделять в царствование Николая I. Гимназический мундир постепенно превращался в символ особого положения и принадлежности к известной корпорации. Обретение форменного обмундирования знаменовало собой для 10-летних мальчиков вступление в «настоящий» мужской коллектив, это был типичный ритуал перехода. Так, по воспоминаниям И. Можайского, при его первом появлении в гимназии товарищи смеялись над его обувью, поскольку он явился в ботинках, а не в сапогах,

и дразнили его «полудевочкой» [Можайский 1889: 575]. В случае ухода или исключения из заведения бывший гимназист лишался права носить свою форму [Постельс 1839: 24, § 28]. В 1825 г. была введена единая одежда для всех учебных заведений столичного учебного округа — «мундир синий с красным воротником и обшлагами, такого же покроя, какой принят в императорском Царскосельском Лицее и Благородном при оном пансионе» [РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 74. Л. 7]. Для облегчения присмотра за воспитанниками предполагалось введение в гражданские школы «некоторых существенных форм и порядка военных» учебных заведений, в том числе «постоянное ношение форменных мундиров» [Там же. Л. 8]. Пансионеры при этом рассматривались как своеобразная гимназическая «элита»: полупансионерам и приходящим ученикам только в качестве поощрения за успехи и поведение дозволялось шить мундиры, идентичные пансионерским, т.е. с красными обшлагами и выпушкой [Там же. Л. 13–13об]. Устав 1828 г. впервые законодательно зафиксировал наличие форменной одежды для пансионеров и ввел возрастные различия: младшие ученики (1–3 класс) должны были носить синие куртки, а старшие (4–7 класс) — мундиры [Сборник постановлений по Министерству народного просвещения 1875, 2: стб. 50, § 283]. Таким образом появился еще один способ ранжирования учащихся по внешнему виду.

К началу 1830-х гг., когда в Петербурге действовало уже три казенных гимназии для мальчиков, были введены отличия в форменной одежде, заключавшиеся в количестве и цвете петлиц на воротнике, а также в цвете кантика на тулье фуражки. Приходящие ученики и пансионеры по-прежнему выглядели по-разному: первые одевались в двубортные сюртуки, вторые — в мундиры с фалдами [За сто лет 1923: 29], но теперь уже всем пансионерам (и казенным, и своекоштным) платье выдавало заведение. По положению 1831 г., в зависимости от статуса учебного заведения один и тот же «джентльменский набор» для пансионеров, включавший в себя мундир и сюртук с жилетом и брюками, а также фуражку, в Первой гимназии (как самой аристократической) стоил 132 руб. 85 коп., во Второй — 120 руб., в Третьей — 70 руб. [Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения 1866: 18–25].

Примерно в конце 1833 г. Николай I лично отдал распоряжение министру ввести в пансионах трех столичных гимназий вместо сюртуков куртки по высочайше утвержденному образцу. Кроме того, император дал согласие на то, чтобы кантики на фуражках в Первой гимназии были красные, во Второй белые, а в Третьей голубые. Куртки были синими с красным воротником. 27 апреля 1834 г. министр С.С. Уваров предложил куртки оставить для пансионеров, а сюртуки для вольноприхо-

дящих, «которые выгоднее по уважению бедности большей их части, служа удобной одеждой и во время непогоды». Пользу такого решения министр видел еще и в том, что «воспитанников и вольноприходящих учеников можно бы было различать с первого взгляда» [Сборник постановлений по Министерству народного просвещения 1875, 2: стб. 767–769, № 321] (см.: [Хорошилова 2012: 13–14]).

Особое внимание к внешнему виду учеников уделялось во время визитов высоких гостей — министра или самого императора, поскольку зачастую именно по этому признаку судили о состоянии дел в школе. Так, посещая Вторую гимназию 7 мая 1837 г., Николай I выразил свое возмущение тем, что нашел «пансионеров в неопрятном, грязном и даже отвратительном виде». Через три дня директор заведения П.А. Шипилов был уволен [Историческая записка 1894: 346–348]. В другой раз государь явился с инспекцией 5 марта 1839 г. В Журнале о состоянии пансиона новый директор А.Ф. Постельс собственноручно записал, что высокий гость соизволил его благодарить «за порядок во всех отношениях и особенно за хорошую наружность пансионеров» [ЦГИА СПб. Ф. 174. Оп. 1. Д. 1618. Без пагинации].

Таким образом, все форменное хозяйство надлежало содержать в образцовом порядке. Ожидая высочайшего визита, начальник заведения собирал гимназистов и держал речь: «Прошу вас, дети, обратить особенное внимание на вашу прическу, одежду и обувь, которые должны быть в безукоризненной опрятности». Пансионеров в таких случаях заставляли каждый день после утренних уроков переодеваться в новое платье и быть начеку [Пятидесятилетие 2-ой Санкт-Петербургской гимназии 1880: 29; Лазаревский 1902: 488]. Все пуговицы и крючки на куртках и мундирах должны были быть всегда застегнуты, только во время репетиций (подготовки домашнего задания) разрешалось расстегнуть сверху четыре или пять пуговиц [Постельс 1839: 17, § 19; Соловьев 1880: 220]. Начальство Первой гимназии требовало, чтобы даже во время прогулки во дворе фуражки были надеты благопристойно, а не набекрень [Соловьев 1880: 222]. Предполагалось, что в публичном учебном заведении молодые люди должны приобрести навыки самообслуживания. Только в Положении для Благородного пансиона говорилось, что можно принимать при воспитанниках дядек (т.е. их домашних слуг), но «по удостоверении в хорошем поведении их и под непосредственным контролем пансионного правления» [Положение для Благородного пансиона 1817: 15, § 47]. Правила пансиона губернской гимназии 1806 г. и Устав 1828 г. запрещали иметь своих крепостных для услуги [Правила для публичного пансиона 1806: 16, § 36; Сборник постановлений по Министерству народного просвещения

1875, 2: стб. 250, § 287]. Формально служители не должны были входить с воспитанниками в какие-либо разговоры, исполнять их требования и поручения. Пансионеры сами должны были чистить свое платье и сапоги, но на практике можно было за плату нанять для этого «дядьку» [Правила, определяющие порядок движений 1823: 13; За сто лет 1923: 29; Иностранцев 1998: 36].

Вопреки разного рода правилам в действительности пансионеры далеко не всегда имели подтянутый и молодцеватый вид, поскольку при пошиве формы гимназическое начальство не стремилось учесть особенности телосложения каждого отдельного ученика. А. Родионов, учившийся во Второй гимназии (1832–1840 гг.), отмечал: «Куртки пансионерам пригонялись не по росту, а выдавались зря». В результате у некоторых мальчиков они были настолько длинными, что под ними можно было прятать учебник, чем ученики широко пользовались при ответах на уроках [Пятидесятилетие 2-ой Санкт-Петербургской гимназии 1880: 7]. Бывало и наоборот, когда воспитанники слишком быстро вырастали из выданной им казенной формы. Хуже всего обстояло дело с теми, кто имел какие-то физические недостатки. В сентябре 1827 г. по прямому указанию императора производилось расследование относительно ученика гимназии Вяжевича: будучи горбат, он принужден был постоянно ходить в растегнутом форменном сюртуке, который был ему мал и причинял болезненные ощущения [ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 2407]. Поскольку считалось, что одеяние должно «служить не для прихоти, а для опрятности и сбережения здоровья» [Прокопович-Антонский 1809: 8], любые проявления «роскоши» и «франтовства» подлежали немедленному искоренению. Например, гимназистам разрешалось носить только суконные галстуки, шелковые были строжайше запрещены [Пятидесятилетие 2-ой Санкт-Петербургской гимназии 1880: 30].

Строгой регламентации подлежала не только форменная одежда воспитанников, но и их внешний вид в целом. Попечитель округа М.А. Дондуков-Корсаков в письме директору Первой гимназии от 29 ноября 1837 г. писал: «Для соблюдения большего приличия и порядка в наружном виде воспитанников гимназий я считаю нужным, чтобы при установленной форменной одежде отнюдь не дозволялось им носить на голове длинные волосы или употреблять особенные, от других отличные прически» [ЦГИА СПб. Ф. 114. Оп. 1. Д. 394. Л. 57]. Требование иметь короткие и приглаженные волосы появилось в 1839 г. в руководстве для родителей учеников Второй гимназии и в Правилах 1840 г. Первой гимназии [Постельс 1839: 18, § 19; Соловьев 1880: 221]. Инспектор пансиона Третьей гимназии по утрам часто не только осматривал учеников младших

классов с целью выявления недостающих пуговиц, разодранных курток или оторвавшихся подметок на сапогах, но и обращал внимание, чисто ли вымыты руки, и посылал «заросших» стричься [За сто лет 1923: 32]. В июне 1850 г. ученик Ларинской гимназии А. Долинский был посажен на неделю в карцер на хлеб и воду за несанкционированное начальством ношение усов и за ложные утверждения, будто ему было дано на это разрешение директора [ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 5410. Л. 2]. Таким образом, любые попытки молодых людей обрести хоть какие-то внешние индивидуальные черты пресекались на корню.

В первой половине XIX в. взрослые уже стали обращать внимание на «сохранение здоровья» подрастающего поколения. Во всяком случае, рассуждения на эту тему можно встретить в различных педагогических и медицинских трактатах и некоторых нормативных документах. Так, А.А. Прокопович-Антонский писал, что детей нужно как можно раньше приучать «к переменам внешнего воздуха и вообще к простоте жизни; <...> ко всему тому, что может способствовать их здоровью, крепости и делать их не столько чувствительными к болезням тела», поскольку «ежели не предупредить действия роскоши, то вместо полезных граждан отечеству, преобразим потомство свое в женоподобных сибаритов» [Прокопович-Антонский 1809: 9]. Для детского и отроческого возраста считались весьма полезными гимнастические упражнения и вообще любая двигательная активность, «согласование сил душевных и телесных» [Ободовский 1835: 28; Грум 1844: 175–183; Давыдов 1987: 254–255].

На практике в большинстве учебных заведений ситуация выглядела так, как ее описывал в своих отчетах директор Второй гимназии А.Ф. Постельс: «Физическое воспитание может быть совершаемо двояко: или отвращением всего, что может вредить здоровью, или употреблением всех средств, могущих содействовать к телесному благосостоянию и дальнейшему его правильному развитию. Первое строжайше соблюдалось во всех отношениях; что касается до последнего, то оно непосредственно зависело от материальных средств заведения» [Историческая записка 1894: 166–167]. В результате гимнастика и фехтование появились в 1830-х гг. только в некоторых гимназических пансионах и только для желающих; обязательными же эти занятия стали в конце 1850-х — начале 1860-х гг. [Аничков 1873: 178; Историческая записка 1894: 168]. Разновидностью гимнастики считались танцы, которые должны были дать «непринужденность и ловкость стану, приучить к прямой и твердой походке и к разным стройным правильным, приятным положениям», служить приобретению «ловкости и приличия в манерах» [Ободовский 1835: 33; Историческая записка

1894: 168]. В классах же ученики были обязаны сидеть чинно, не подпирая головы руками [Соловьев 1880: 221].

Что касается пребывания на свежем воздухе, то пансионерам позволялась прогулка во дворе только в хорошую погоду, осенью и зимой их чаще всего держали в четырех стенах [Положение для Благородного пансиона 1817: 12, § 35; Пятидесятилетие 2-ой Санкт-Петербургской гимназии 1881: 14]. Из дневника воспитанника Первой гимназии И.И. Шамшина за март 1848 г. видно, что в течение одной недели детям удалось выйти из помещения только дважды, а в течение другой — четырежды. Когда было тепло, пансионеров выпускали на волю несколько раз в день: утром, после обеда и после вечернего чая [Дневник И.И. Шамшина 1916: 150–157]. Однако чрезмерная забота о безукоризненном состоянии формы приводила к многочисленным запретам, зачастую сводившим на нет весь смысл подобных прогулок. Так, по правилам Первой гимназии 1840 г., мальчикам запрещались любые «игры и забавы, от которых легко может произойти порча одежды и обуви», т.е. нельзя было валяться по земле, в песке или в снегу, ездить на коленях, лазить через забор, вынимать палки из решетки, поднимать мячики (для этого был приставлен специальный служитель), запрещалось драться, толкать друг друга, швыряться камешками и т.д. [Соловьев 1880: 221–222]. Трудно сказать, каким образом предполагалось возможным соблюдение подобных инструкций при катании с гор и на коньках, играх в пятнашки и проч. [Историческая записка 1894: 172, 175; За сто лет 1923: 31]. В результате некоторые дети, «даже очутившись на дворе, на полной <...> свободе, все как-то норовили держаться <...> окраин <...> Играть вдоль двора решались только особенные смельчаки; менее смелые скакали на одной ножке в заколдованном кругу, а наименее смелые подсакивали с мячом» [Пятидесятилетие 2-ой Санкт-Петербургской гимназии 1881: 14].

Согласно разного рода правилам воспитанников следовало приучать к чистоте и опрятности [Соловьев 1880: 220; Историческая записка 1894: 131]. По Уставу 1828 г. нижнее белье должны были менять два раза в неделю, а постельное — один раз; при каждом гимназическом пансионе предполагалось наличие банного помещения [Сборник постановлений по Министерству народного просвещения 1875, 2: стб. 250, § 284]. Однако судя по имеющимся документам, ни одна столичная гимназия в первой половине XIX в. так и не обзавелась собственной баней [Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения 1866: 16, 23–27; Соловьев 1880: 56]. Походы в общественную баню были, очевидно, довольно редким явлением, так что некоторым мемуаристам задним числом казалось, что это событие происходило всего лишь один раз

в год [Пятидесятилетие 2-ой Санкт-Петербургской гимназии 1881: 16]. По сведениям Журнала Второй гимназии за 1848 г., пансионеров водили мыться не регулярно, но в среднем примерно один раз в месяц (при этом можно было в случае надобности отпроситься у инспектора и сходить туда самостоятельно или вместе с родителями) [ЦГИА СПб. Ф. 174. Оп. 1. Д. 1618. Без пагинации]. Кто-то из воспитанников считал «банный день» истинным удовольствием, но сетовал при этом, что обыкновенно не мылись «отчасти из-за болтовни, отчасти <...> из-за недостатка времени» [Пятидесятилетие 2-ой Санкт-Петербургской гимназии 1880: 16]. Кому-то подобное коллективное омовение, возможно, было совсем не по душе. Во всяком случае, в кондуитном журнале Второй гимназии за 1839 г. зафиксирован инцидент, когда один воспитанник вместо того, чтобы идти вместе со своими товарищами, «спрятался и остался», соврав затем при допросе, что был в бане с родственниками. Он был подвергнут принудительному осмотру и наказанию [ЦГИА СПб. Ф. 174. Оп. 1. Д. 968. Л. 12].

Питание

В первой половине XIX в. были распространены представления о том, что самая лучшая и полезная для здоровья детей пища — «безыскусственная и простая», а основным принципом в организации их питания должны быть умеренность и «определенность времени для принятия пищи» [Прокопович-Антонский 1809: 6; Ободовский 1835: 26]. Эти идеи нашли отражение в Уставе 1828 г. [Сборник постановлений по Министерству народного просвещения 1875, 2: стб. 250, § 285]. Вкусовые пристрастия иногда связывали с нравственными качествами воспитанников. Так, инспектор губернской гимназии Ф.И. Миддендорф был уверен, что мальчик, который не любит молоко, «должен быть негодяй» [Фишер 2008: 20].

Количество приемов пищи и рацион во всех гимназических пансионах были примерно одинаковыми, хотя по положению 1831 г. в Первой и Второй гимназиях на стол пансионерам (мясная провизия, мука, крупа, масло, зелень, овощи, рыба, чай, сахар, молоко) отводилось по 50 коп. в день на человека, а в Третьей — по 40 коп. [Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения 1866: 18, 22, 24]. На завтрак и полдник давали чай или молоко с белым хлебом, обед состоял из трех блюд, ужин из двух; в праздники и по воскресеньям прибавлялось еще по одному блюду [Правила для публичного пансиона 1806: 13, § 22; 14, § 27–28; Положение для Благородного пансиона 1817: 14, § 43; Сборник постановлений по Министерству народного просвещения 1875, 2: стб. 250, § 285].

По свидетельству А.С. Вирениуса, ставшего со временем известным врачом-гигиенистом, растущим мальчикам мяса давали мало, приучая больше к мучнистой и сладкой пище. В результате «пансионеры по еде очень напоминали институток: то же предпочтение тесту перед мясом. Та же страсть к сахару и к вкусовым, пикантным вещам» [Пятидесятилетие 2-ой Санкт-Петербургской гимназии 1881: 15]. Многие мемуаристы жаловались на то, что казенная пища была невкусной и однообразной, так что нередко новички не могли ничего есть [Там же; Историческая записка 1894: 7; За сто лет 1923: 28]. В Первой гимназии категорически запрещалось в учебные дни принимать какие-либо лакомства и съестные припасы. Разрешенные продукты можно было купить только в праздничные дни [Сведения, необходимые для желающих 1848: 21]. К таковым, судя по мемуарным свидетельствам, относились булки, апельсины, пряники [Можайский 1889: 581].

В 1849 г. по указанию попечителя округа М.Н. Мусина-Пушкина изменился распорядок дня в пансионах, в том числе был отменен ужин для воспитанников. Из имеющихся документов трудно сказать определенно, было ли это решение связано с экономией средств. Во всяком случае, директор Второй гимназии А.Ф. Постельс утверждал, что оно вызвано заботой о здоровье учеников и будет иметь «благодетельное» влияние на пансионеров в гигиеническом отношении, «так как многие дети, не привыкшие с малолетства к воздержанности, за ужином нередко едят через меру, от чего худо спят и вследствие того жалуются на головную боль и делаются более приемчивыми к простуде и другим болезням» [Начальное и среднее образование в Санкт-Петербурге 2000: 136, № 68].

Если А.Ф. Постельс пытался убедить начальство округа в том, что его пансионеры «довольны» исчезновением ужина, то директор Третьей гимназии Ф.И. Буссе осторожно сообщал: «[В] первые дни новый порядок, не согласовавшийся с привычками воспитанников, казалось, не всех удовлетворял; но теперь я вижу что он начинает утверждаться и, можно надеяться, не даст повода к неудовольствию» [ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 5329. Л. 71об]. Вероятно, именно в это время в Ларинской гимназии произошел бунт пансионеров, возмущившихся скудным питанием. А.М. Скабичевский, бывший свидетелем этих событий, написал впоследствии в своих мемуарах, что они разбили всю посуду, сорвали в зале картины со стен. Директор «без труда успокоил воспитанников и так ловко замял всю эту кутерьму, что дальше гимназических стен слух о ней не распространился, и все дело ограничилось дисциплинарными наказаниями» [Скабичевский 1896: 47].

Еда применялась тогдашними педагогами как для наказания, так и для поощрения воспитанников. Широко практиковалось лишение сладкого, одного, двух или даже всех блюд за различные проступки; между тем старшие пансионеры получали «двойные порции, очень большие пироги и булки, больше мяса» [Пятидесятилетие 2-ой Санкт-Петербургской гимназии 1881: 15; За сто лет 1923: 33–35]. Культивировавшаяся гимназическим начальством «умеренность» в пище была одним из факторов, толкавших мальчиков на воровство и барышничество. Одни крали хлеб из столовой и пекарни, другие подпольно заводили нечто вроде мелочной лавочки с разными лакомствами, бойко торговали «булками от чаю», пирогами и говядиной за обедом [Пятидесятилетие 2-ой Санкт-Петербургской гимназии 1881: 15; Можайский 1889: 583; Историческая записка 1894: 7–8; Иностранцев 1998: 49].

Речь

Речь воспитанников также подвергалась регламентации. Помимо требования разговаривать между собой вежливо, не произносить непристойных и бранных слов, за столом и во время рекреаций ученикам предписывалось беседовать исключительно по-французски или по-немецки в зависимости от дня недели или национальной принадлежности дежуривших гувернеров. Последние наблюдали за пансионерами «в продолжение разговоров их между собою, замечая и поправляя делаемые ими ошибки против языка, приличий или вкуса» [Сборник постановлений по Министерству народного просвещения 1875, 2: стб. 248, § 272]. Речевая дисциплина подразумевала наказание за беседу на русском; в случае же «совершенного незнания» иностранного языка ученик должен был вообще хранить молчание [Правила для публичного пансиона 1806: 12, § 18; Сведения, необходимые для желающих 1848: 14–15; Соловьев 1880: 211, 218, 222, 224–225; Пятидесятилетие С.-Петербургской Ларинской гимназии 1886: 11].

Эти предписания не достигали своей цели, заключавшейся в обучении воспитанников свободному владению французским и немецким. Зато неуважительное отношение гимназистов к гувернерам, как правило, плохо говорившим и понимавшим по-русски, приводило к разнообразным языковым шалостям и издевательствам над ними, в том числе с использованием «похабностей и мерзких изречений» [ЦГИА СПб. Ф. 174. Оп. 1. Д. 968. Л. 12об]. В гимназиях первой половины XIX в. доля преподавателей-иностранцев доходила до 70 %, в результате чего бытовую русскую речь мальчики могли слышать только из уст служителей, хотя по Правилам 1806 г.

пансионерам категорически запрещалось подобное общение [Правила для публичного пансиона 1806: 12, § 18; За сто лет 1923: 36; Пашкова 2010: 76, 78–79].

Сон и отдых

Надзор за пансионерами со стороны гувернеров продолжался и в ночное время суток. С самого зарождения пансионеров ночью по спальням, где обязательно горела лампа, ходили два служителя, сменяясь через каждые три часа, наружные двери запирали, а ключ отдавали дежурному надзирателю. Кроме того, во время сна спальни обходил инспектор. Устав 1828 г. ввел специальные дежурства комнатных надзирателей, которые ночевали в одних комнатах с воспитанниками [Правила для публичного пансиона 1806: 10, § 10; Правила, определяющие порядок движений 1823: 9; Сборник постановлений по Министерству народного просвещения 1875, 2: стб. 248, § 272; Историческая записка 1894: 132]. Здоровой считалась температура около 14°C, при этом зимнее одеяло было байковым, а летнее — «полуситцевое или из другой легкой материи» [Положение для Благородного пансиона 1817: 14, § 44]. Регламентация ночной одежды и поз для сна, видимо, обуславливалась медицинскими представлениями соответствующей эпохи [Грум 1844: 193]. Так, под страхом строгого взыскания мальчикам запрещалось спать в подштанниках (кальсонах), т.к. это «не здорово»; ночью надо было непременно лежать на правом боку, если кто-то переворачивался во сне на левый бок, то гувернер его будил и заставлял лечь правильно [ЦГИА СПб. Ф. 174. Оп. 1. Д. 969. Л. 14; Можайский 1889: 576, 583]. Деликатную проблему энуреза решали запретом ужина, сном «на солоmine» и частыми побудками страдальца с помощью солдат-служителей, т.е. фактически выставляли ее напоказ [ЦГИА СПб. Ф. 174. Оп. 1. Д. 968. Л. 31]. В целом контроль над детьми в спальнях был направлен на пресечение действий и разговоров, «воспламеняющих» воображение и чувственность [Грум 1844: 196].

В минуты отдыха, как уже говорилось выше, пансионеры также не оставались без присмотра. Для обеспечения «благопристойной свободы» в часы, свободные от учения, и во время повторения уроков назначались дежурные гувернеры [Положение для Благородного пансиона 1817: 11–12, § 33]. Послеобеденные рекреации или время после ужина многие ученики проводили за приготовлением заданного, сидя у длинных конторок, расположенных во всю длину стен камеры; другие ходили, громко разговаривая, читали, рисовали, играли в дозволенные (шахматы, кегли) или запретные (перышки, костяшки) игры. Это был тот небольшой промежуток времени в течение

дня, когда можно было заняться чем-то «личным»: повидаться с братьями, учившимися в другом (старшем или младшем) отделении, записать свои впечатления в дневнике и т.д. [Пятидесятилетие 2-ой Санкт-Петербургской гимназии 1880: 30; Соловьев 1880: 76, 218; Пятидесятилетие 2-ой Санкт-Петербургской гимназии 1881: 16; Дневник И.И. Шамшина 1916: 151–152; За сто лет 1923: 36].

Чтение книг еще не являлось массовым и любимым способом проведения досуга. К тому же оно не слишком поощрялось гимназическим начальством и жестко контролировалось. Педагоги того времени считали, что книги должны просвещать, а не затмевать разум, умерять, а не воспламенять воображение, утверждать нравственные правила. Поэтому молодым людям положено было читать немного, но «с разбором и размышлением» [Ободовский 1835: 141] (см. подробнее: [Лучкина 2011]). Из дома дозволялось приносить книги «полезные по содержанию», но читать их можно было только «по надписанию директором или инспектором позволения на самой книге». Издания, «противные нравственности или запрещенные цензурой», отбирались безвозвратно [Сведения, необходимые для желающих 1848: 20–21].

Многие мемуаристы отмечали однообразие, скуку и монотонность пансионерской жизни. Один автор резюмировал: «[В]ообще приятные минуты можно было считать по пальцам. К числу этих минут относилось время еды, сна и отдыха, наступление отпуска (особенно на большие праздники), самые праздники и каникулы <...> Задолго до праздников многими велся счет дням, чуть не часам каждого дня» [Пятидесятилетие 2-ой Санкт-Петербургской гимназии 1881: 15–16].

Сношения с внешним миром

Большинство петербургских гимназий не являлись закрытыми учебными заведениями: в них были приходящие ученики, с которыми пансионеры сидели в одних классах. Исключение вплоть до середины века составляла только Первая гимназия, которая предназначалась для сыновей потомственных дворян. В любом случае общение обитателей пансиона с внешним миром, в том числе с их семьями, старались свести к минимуму и ограничить многочисленными инструкциями. Первоначально родственники могли посещать каждый день только заболевших воспитанников, во всех остальных случаях являться с визитами следовало в определенные дни недели. Встречаться со слугами, присланными из дома, получать письма и посылки можно было лишь в присутствии инспектора [Правила для публичного пансиона 1806: 14–15, § 29–33]. В дальнейшем

в некоторых гимназиях были разрешены ежедневные посещения в свободное от классов время. В специальном журнале фиксировалось, кто приходил на свидание к воспитанникам в приемную: родственники или знакомые (студенты, приятели, чиновники, няньки, купцы, служители, горничные и т.д.) [Постельс 1839: 36, § 47; Сведения, необходимые для желающих 1848: 20; ЦГИА СПб. Ф. 174. Оп. 1. Д. 1618. 8, 21, 29 января].

Наружные двери пансиона всегда держали закрытыми, покидать здание разрешалось только с ведома инспектора. При этом воспитаннику выдавался специальный билет с указанием времени отпуска и имени особы, за ним пришедшей, который надлежало предъявить швейцару. Держать его при себе нужно было не абы где, а между второй и третьей пуговицей мундира [Правила, определяющие порядок движений 1823: 1–2; Постельс 1839: 36, § 46]. Широко распространенным наказанием для пансионеров было лишение отпуска в воскресные и праздничные дни. По ощущениям некоторых мемуаристов, пансион стеной отделял их от внешних воздействий, заменяя родную семью и весь мир [Можайский 1889: 586; За сто лет 1923: 50].

* * *

Таким образом, бытовое дисциплинирование воспитанников гимназических пансионов охватывало практически все аспекты их повседневной жизни. В первую очередь оно было направлено на внешнюю, наружную «шлифовку» педагогического «материала». Жесткая регламентация любых действий, тотальный контроль над перемещениями в пространстве, строгий распорядок дня, обезличивание, отсутствие возможности для уединения и проявления индивидуальных склонностей, коллективный характер телесных практик — все это имело целью стандартизировать бытовые привычки и поведение. Однако в совокупности разные способы дисциплинирования имели и более глубокую подоплеку: формирование с молодых лет «инстинкта» законопослушания.

Идолом публичных учебных заведений, которому истово поклонялись педагоги, были Правила, беспрекословное подчинение которым считалось главной целью воспитания. Любые отклонения от инструкций квалифицировались как «дурное поведение», «беспорядок», «непокорство» и «строптивость».

Некоторый парадокс заключался в том, что избыточность, буквализм и утопичность этих правил нередко приводили к невозможности их педантичного соблюдения самим гимназическим начальством¹ и неизбежно провоцировали воспитанников на

---

¹ См., например: [ЦГИА СПб. Ф. 174. Оп. 1. Д. 66, 299. Л. 9–9об, 16об–17].

невольное или сознательное (протестное) их нарушение. Можно согласиться с И.П. Кулаковой в том, что гимназические пансионы воспроизвели патерналистскую модель образования [Кулакова 2006: 205], но «семейственность» и «патриархальность», о которых пишет исследователь, им как раз были мало присущи. Публичные учебные заведения фактически противопоставляли себя семье, а свои порядки — традиционной системе ценностей домашнего дворянского воспитания с ее индивидуализацией и известной свободой, что довольно отчетливо проявлялось и на бытовом уровне. Разумеется, реальный опыт повседневной жизни пансионеров мог существенно отличаться от предписанного разнообразными инструкциями. Однако формы их «девиантного» поведения, способы «приспособления» правил «под себя» нуждаются, на мой взгляд, в отдельном изучении.

Список сокращений

РГИА — Российский государственный исторический архив
ЦГИА СПб — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга

Архивные материалы

- РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 74. Об утверждении формы мундира. 1825 г.
ЦГИА СПб. Ф. 114. Оп. 1. Д. 394. О разных узаконениях и предписаниях начальства, относящихся к исполнению в Первой гимназии. 1836 г.
ЦГИА СПб. Ф. 114. Оп. 1. Д. 723. О составлении отчета по учебной части 1-ой С.-Петербургской гимназии. 1842 г.
ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 761. О составлении нового Положения для пансиона С.-Петербургской гимназии. 1812 г.
ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 1046. О пошиве для пансионеров С.-Петербургской гимназии и служителей платья. 1813 г.
ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 1379. О пошиве одежды для пансионеров С.-Петербургской гимназии. 1815 г.
ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 1796. О пошиве для пансионеров СПб гимназии платья. 1817 г.
ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 2407. Переписка о задержании ученика в неустановленном мундире. 1827 г.
ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 3762. О состоянии университетского Благородного пансиона. 1825 г.
ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 5329. Разные дела. 1849 г.
ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 5410. Об аресте воспитанника Ларинской гимназии Адриана Долинского за ношение усов. 1850 г.
ЦГИА СПб. Ф. 174. Оп. 1. Д. 66. Тетрадь предложений директора. 1830 г.
ЦГИА СПб. Ф. 174. Оп. 1. Д. 299. Тетрадь предложений директора. 1833 г.

ЦГИА СПб. Ф. 174. Оп. 1. Д. 444. Тетрадь предложений директора Санкт-Петербургской губернской гимназии. 1835 г.

ЦГИА СПб. Ф. 174. Оп. 1. Д. 968. Конduitная книга по пансиону. 1840 г.

ЦГИА СПб. Ф. 174. Оп. 1. Д. 1618. Журнал о состоянии пансиона и гимназии. 1848 г.

Источники

Авсеенко А.Г. Школьные годы. Отрывки из воспоминаний. 1852–1863 гг. // Исторический вестник. 1881. Т. 4. № 4. С. 707–716.

Аничков Н.М. Историческая записка пятидесятилетия Третьей Санкт-Петербургской гимназии, составленная по поручению Педагогического совета Н. Аничковым. СПб.: Тип. Э. Арнольда, 1873. VI+2+208+153 с.

Одинцов В.П. Воспоминания // Исторический вестник. 1900. Т. 82. № 11. С. 482–485.

Грум (Грум-Гржимайло) К.И. Руководство к воспитанию, образованию и сохранению здоровья детей: В 3 т. СПб.: Тип. М. Олхина, 1844. Т. 2: Возрасты: детский и отроческий. Воспитание физическое. III+3+376 с.

Давыдов И.И. О согласовании воспитания с развитием душевных способностей // Антология педагогической мысли России первой половины XIX в. (до реформ 60-х гг.) / Вступ. ст., биограф. очерки, сост. и комм. П.А. Лебедева. М.: Педагогика, 1987. (Антология пед. мысли народов СССР. АПМ). С. 251–255.

Дневник И.И. Шамшина // Русская старина. 1916. Т. 167. № 7. С. 150–157.

Жуковский В.А. Что такое воспитание? // Антология педагогической мысли России первой половины XIX в. (до реформ 60-х гг.) / Вступ. ст., биограф. очерки, сост. и комм. П.А. Лебедева. М.: Педагогика, 1987. (Антология пед. мысли народов СССР. АПМ). С. 127–130.

За сто лет (Петербургская третья гимназия): Воспоминания, статьи и материалы. Пг.: 13 сов. труд. шк., 1923. 252 с.

Иностранцев А.А. Воспоминания (Автобиография). СПб.: Петербургское востоковедение, 1998. 272 с.

Историческая записка 75-летия С.-Петербургской Второй гимназии: В 3 ч. СПб., 1880–1905. Ч. 1: Первые 25 лет существования гимназии, 1805–1830 г., под именем С.-Петербургской губернской и Высшего училища / Сост. по поручению Пед. совета гимназии [А.В. Кургановичем]. СПб.: Тип. Б.Г. Янпольского, 1880. 152 с. Ч. 2: (1831–1880 г.) / По поручению Пед. совета гимназии сост. А.В. Курганович и А.О. Круглый. СПб.: Тип. Э. Арнольда, 1894. 432 с.

Лазаревский А.М. Отрывки из автобиографии // Киевская старина. 1902. Т. 77. № 6. С. 484–494.

Можайский И. Воспоминания о Первой Санкт-Петербургской гимназии // Гимназия. 1889. № 11. С. 575–588.

- Начальное и среднее образование в Санкт-Петербурге. XIX — начало XX века: Сб. документов / Отв. сост. Н.Ф. Никольцева. СПб.: Лики России, 2000. 359 с.
- Начертание вновь заводимого частного училища для воспитания благородных детей // Антология педагогической мысли России первой половины XIX в. (до реформ 60-х гг.) / Вступ. ст., биограф. очерки, сост. и комм. П.А. Лебедева. М.: Педагогика, 1987. (Антология пед. мысли народов СССР. АПМ). С. 147–153.
- Ободовский А.Г.* Руководство к педагогике, или науке воспитания. Составленное по Нимейеру. СПб.: Тип. К. Вингебера, 1835. 236 с.
- Описание торжественного открытия Благородного Пансиона при Главном Педагогическом Институте в 1 день сентября 1817 года. СПб.: Б.и., 1817. 8 с.
- Положение для Благородного пансиона при Главном педагогическом институте. СПб.: Мед. тип., 1817. 25 с.
- Постельс А.Ф.* Руководство для родителей, желающих определить детей своих во 2-ую С.-Петербургскую гимназию. СПб.: Б.и., 1839. 45 с.
- Правила для публичного пансиона при Санкт-Петербург губернской гимназии, с таблицами. СПб.: Б.и., 1806. 20 с.
- Правила, определяющие порядок движений целого дня и обязанности чиновников и служителей Санкт-Петербургской гимназии, в отношении к оному. СПб.: Тип. Департамента народного просвещения, 1823. 39 с.
- Прокопович-Антонский А.А.* Рассуждение о воспитании. 2-е изд. М.: Унив. тип., 1809. 70 с.
- Пятидесятилетие 2-ой Санкт-Петербургской гимназии. Воспоминания. СПб.: Б.и., 1880–1881. Вып. 1. 1880. 36 с. Вып. 2. 1881. 23 с.
- Пятидесятилетие С.-Петербургской Ларинской гимназии. 1836–1886. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1886. 6+64+80+20 с.
- Сборник постановлений по Министерству народного просвещения: В 3 т. 2-е изд. СПб., 1875–1876. Т. 1: Царствование императора Александра I. 1802–1825. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1875. 1864 стб. + 43 с. + 44 стб.; Т. 2: Царствование императора Николая I. 1825–1855. Отделение первое. 1825–1839 г. СПб.: Б.и., 1875. 1576 стб. + 69 с. + 53 стб.
- Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1866–1907. Т. 1: 1802–1834 г., Штаты и приложения. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1866. 988 стб. + 43 с. + 32 стб.
- Сведения, необходимые для желающих определить детей своих в первую С.-Петербургскую гимназию. СПб.: Б.и., 1848. 24 с.
- Соловьев Д.Н.* Пятидесятилетие С.-Петербургской Первой гимназии. 1830–1880: Ист. записка, сост. по поручению Пед. совета Д.Н. Соловьевым. СПб.: Тип. Второго Отд-ния собст. Е.И.В. канцелярии, 1880. VIII+424 с.
- Уваров С.С.* Десятилетие Министерства народного просвещения (1833–1843): Записка, представл. гос. имп. Николаю Павловичу министром нар. прос. гр. Уваровым в 1843 г. и возвращенная

с собственноручн. надписью Его Велич.: «Читал с удовольствием». СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1844. 161 с.

Устав учебных заведений, подведомых университетам 5 ноября 1804 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб.: Б.и., 1864. Т. 1. № 47. Стб. 301–339.

Фишер К.И. Записки сенатора. М.: Захаров, 2008. 362 с.

Шевырев С.П. Об отношении семейного воспитания к государственному. М.: Унив. тип., 1842. 89 с.

Шевырев С.П. Антон Антонович Прокопович-Антонский. Воспоминание, посвященное воспитанникам университетского Благородного пансиона. М.: Унив. тип., 1848. 32 с.

Библиография

Диссон Ю.А. Лицеи и благородные пансионы в системе народного просвещения России в первой трети XIX века: Дисс. ... канд. ист. наук / МГУ. М., 2008. 307 с.

Кошелева О.Е. Провинности и наказания в воспитании российского юношества в XVIII столетии // Вина и позор в контексте становления современных европейских государств (XVI–XX вв.): Сб. ст. / Под ред. М.Г. Муравьевой. СПб.: Изд-во Европ. ун-та, 2011. С. 177–189.

Кулакова И.П. Университетское пространство и его обитатели. Московский университет в историко-культурной среде XVIII века. М.: Новый Хронограф, 2006. 333 с.

Кулакова И.П. История интеллектуального быта и российская традиционная культура: кабинет отца во впечатлениях детства (XVIII — начало XX в.) // Какорея. Из истории детства в России и других странах: Сб. ст. и мат-лов / Сост. Г.В. Макаревич. М.; Тверь: Научная книга, 2008. С. 47–61.

Лучкина О.А. «О том, как вредно читать в детстве всякие книги без разбору...»: отбор книг для детского чтения (1830–1850-е гг.) // Конструируя детское. Филология, история, антропология / Под ред. М.Р. Балиной, В.Г. Безрогова, С.Г. Маслинской, К.А. Маслинского, М.В. Тендряковой, С. Шеридана. М.; СПб.: Азимут; Нестор-История, 2011. (Труды семинара «Культура детства: нормы, ценности, практики». Вып. 9). С. 112–132.

Материалы для истории учебных реформ в России в XVIII–XIX веках (Прил. к «Очеркам по истории систем народного просвещения в России в XVIII–XIX веках». Т. 1) / Сост. С.В. Рождественский при участии В.Г. Соломина и П.П. Тодорского. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1910. XVI+397 с.

Муравьева О.С. Как воспитывали русского дворянина. М.: Логос, 2000. 236 с.

Пашкова Т.И. «Долбежки» и «зубрилы», «камчадалы» и «гвардейцы» (гимназические типы 30–50-х гг. XIX века) // Герценовские чтения 2006. Актуальные проблемы социальных наук: Сб. науч. и уч.-метод. трудов / Отв. ред. В.В. Барабанов; сост. А.Б. Николаев. СПб.: Б.и., 2007. С. 43–45.

Пашкова Т.И. Учителя-иностранцы в петербургских гимназиях первой половины XIX века // История Петербурга. 2010. № 6(58). С. 74–80.

Хорошилова О.А. «Синяя говядина», «тонняги» и «корнеты». Форма гимназистов императорской России // Теория моды. 2012. № 26. С. 11–29.

Discipline of Everyday Life at St Petersburg Boarding Schools during the Early 19th Century

Tatyana Pashkova

Herzen State Pedagogical University of Russia
48 Moyki emb., St Petersburg, Russia
pashkovat@rambler.ru

This paper investigates the discipline of everyday life at St Petersburg boarding schools during the early 19th century. The author studies the main tools of school discipline: the zoning of rooms, private space of pupils, timing of the day, requirements for appearance and hygiene of the body, speech etiquette, and table manners. An analysis leads to the conclusion that all spheres of everyday life at the boarding schools were strictly regulated. Total control over relocation in the rooms, depersonalisation, and the absence of privacy standardised the habits and behaviour of schoolchildren. The main goal of different methods of discipline was the formation of the global instinct of law-obedience.

Keywords: discipline, boarding school, gymnasium, everyday behavior.

References

- Disson Yu. A., *Litsei i blagorodnye pansiony v sisteme narodnogo prosveshcheniya Rossii v pervoy treti XIX veka* [Lyceums and Boarding Schools in the Public Education System in Russia during the Early 19th Century]: PhD Thesis. Moscow State University. Moscow, 2008, 307 pp. (In Russian).
- Khoroshilova O. A., “Sinyaya govyadina”, “tonnyagi” i “kornety”. Forma gimnazistov imperatorskoy Rossii’ [“Sinyaya Govyadina”, “Tonnyagi” i “Kornety”. Schoolboys’ Uniforms in the Imperial Russia], *Teoriya mody*, 2012, no. 26, pp. 11–29. (In Russian).
- Kosheleva O. E., ‘Provincialnost i nakazaniya v vospitanii rossiyskogo yunoshchestva v XVIII stoletii’ [Offences and Punishment in the Training of Russian Youth in the 18th Century], M. G. Muraveva (ed.), *Vina i pozor v kontekste stanovleniya sovremennykh evropeyskikh gosudarstv (XVI–XX vv.)* [Guilt and Disgrace in the Context of the Development of Modern European Governments (16th–20th

- Centuries): A Collection of Articles. St Petersburg: European University at St Petersburg Press, 2011, pp. 177–189. (In Russian).
- Kulakova I. P., *Universitetskoe prostranstvo i ego obitateli. Moskovskiy universitet v istoriko-kulturnoy srede XVIII veka* [The University Space and Its Inhabitants. Moscow University in the Historic and Cultural Environment of the 18th Century]. Moscow: Novyy Khronograf, 2006, 333 pp. (In Russian).
- Kulakova I. P., ‘Istoriya intellektualnogo byta i rossiyskaya traditsionnaya kultura: kabinet ottsa vo vpechatleniyakh detstva (XVIII — nachalo XX v.)’ [The History of Intellectual Everyday Life and Russian Traditional Culture: Father’s Parlour in Childhood Experience (18th — Early 20th Centuries)], G. V. Makarevich (comp.), *Kakoreya. Iz istorii detstva v Rossii i drugikh stranakh* [Kakoreya. From the History of Childhood in Russia and Other Countries]: A Collection of Articles and Materials. Moscow; Tver: Nauchnaya kniga, 2008, pp. 47–61. (In Russian).
- Luchkina O. A., “‘O tom, kak vredno chitat v detstve vsyokie knigi bez razboru...’: otbor knig dlya detskogo chteniya (1830–1850-e gg.)’ [“On How Harmful Reading Different Books without Distinction Is...”: Choosing Books for Childhood Reading (1830s–1850s)], M. R. Balina, V. G. Bezrogov, S. G. Maslinskaya, K. A. Maslinskiy, M. V. Tendryakova, S. Sheridan (eds.), *Konstruiruya detskoe. Filologiya, istoriya, antropologiya* [Constructing Childhood. Philology, History, Anthropology]. Moscow; St Petersburg: Azimut; Nestor-Istoriya, 2011, pp. 112–132 (Proceedings of the Workshop “Culture of Childhood: Norms, Values, Practices”, is. 9). (In Russian).
- Muraveva O. S., *Kak vospityvali russkogo dvoryanina* [How the Russian Nobleman Was Educated]. Moscow: Logos, 2000, 236 pp. (In Russian).
- Pashkova T. I., “‘Dolbezhki’ i “zubrily”, “kamchadaly” i “gvardeytsy” (gimnazicheskie tipy 30–50-kh gg. XIX veka)’ [“Dolbezhki” and “Zubrily”, “Kamchadaly” and “Gvardeytsy” (Gymnasium Types of the 1830s–1850s)], V. V. Barabanov (ed.), A. B. Nikolaev (comp.), *Gertsenovskie chteniya 2006. Aktualnye problemy sotsialnykh nauk*: [The Herzen State Pedagogical University Annual Conference. Relevant Problems in the Social Sciences]: A Collection of Scientific and Educational Papers. St Petersburg: s.n., 2007, pp. 43–45. (In Russian).
- Pashkova T. I., ‘Uchitelya-inostrantsy v peterburgskikh gimnaziyyakh pervoy poloviny XIX veka’ [Foreign Teachers in St Petersburg Gymnasiums in the Early 19th Century], *Istoriya Peterburga*, 2010, no. 6(58), pp. 74–80. (In Russian).
- Rozhdestvenskiy V. G., Solomin V. G., Todorskiy P. P. (comps.), *Materialy dlya istorii uchebnykh reform v Rossii v XVIII–XIX vekakh* [Materials for the History of Educational Reforms in the 18th–19th Centuries]. St Petersburg: Printing Office of the Partnership Association “Obshchestvennaya polza”, 1910, XVI+397 pp. (Pril. k “Ocherkam po istorii sistem narodnogo prosveshcheniya v Rossii v XVIII–XIX vekakh”, t. 1) [Supplement to “Essays on the History of Public Instruction Systems in Russia in the 18th–19th Centuries”, vol. 1]. (In Russian).